

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» XX в.: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Статья посвящена специальному изучению повествовательных особенностей романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» в русскоязычных переводах XX в. Впервые предпринимается попытка сопоставительного анализа повествовательных особенностей оригинального текста романа и его трех русскоязычных переводов XX в. Целью настоящего исследования является специальное изучение адекватности воспроизведения и специфики функционирования нарративных особенностей оригинального текста романа «Джейн Эйр» Ш. Бронте в текстах русскоязычных переводов романа XX в.

Ключевые слова: нарратив; Ш. Бронте; «Джейн Эйр»; перевод; русскоязычные переводы XX в.

В середине XX в. русская культура и литература характеризуется новым, после популярности у русских читателей XIX в., всплеском интереса к творчеству Ш. Бронте. В России в XX в. роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» представлен четырьмя переводами: перевод 1901 г. неизвестного автора [1], перевод 1950 г. В.О. Станевич [2], в 1990 г. – переиздание перевода В. Станевич, в котором пропуски текста восстановлены И.Г. Гуровой [3], наконец, перевод, полностью выполненный И.Г. Гуровой и вышедший в свет в том же 1990 г. [4]

Такая высокая популярность романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» в XX в. объясняется, на наш взгляд, не только его оригинальным содержанием, но в том числе и его детально продуманной повествовательной структурой. Роман «Джейн Эйр» – это история жизни и судьбы одной английской женщины, рассказанная ею самой. Вся организация повествования в романе подчинена принципу исповедального рассказа главной героини Джейн Эйр о себе, и в тексте романа присутствуют новаторские авторские повествовательные стратегии, которые наполняют нарратив произведения особыми смыслами, оказавшимися актуальными для культуры и литературы XX в., во многом сосредоточены на проблематике наррации.

Проблема наррации – одна из наиболее актуальных в российском литературоведении XX в. Нарратология в XX в. уверенно вошла во многие сферы гуманитарных наук, и особенно значимой проблема наррации является для текстов художественной литературы. Именно в особом внимании к проблемам наррации видится специфика художественных текстов XX в. [5].

В России уже в первой половине XX в. появились первые исследования В.В. Виноградова [6] и М.М. Бахтина [7], посвященные проблематике организации повествования. В начале XXI в. в России вышла в свет книга В. Шмида [8], которая включает в себя обзорный анализ исследований российских и зарубежных литературоведов, посвященных проблеме повествования.

Важность и значимость категории нарративности для художественного текста заключается в том, что именно благодаря особенностям повествовательной структуры читатель воспринимает текст определенным образом (т.е. так, как он представлен рассказчи-

ком). Говоря об истоках изучения данного понятия в литературе, В. Шмид акцентирует внимание на том, что именно посредством нарратора текст приобретает свои индивидуальные черты: «В истории изучения нарратора с самого начала упор был сделан на его призматической функции, которая дает нам мир – <...> по словам К. Фридеманн [1910: 26] – «не таким, каким он существует сам по себе, а таким, каким он прошел через посредство некоего созерцающего ума» [8. С. 69].

Творчеству сестер Бронте в XX в. посвящен целый ряд исследований: Д.Б. Хардак [9], М.С. Михайловой [10], А.А. Будагян [11], В.М. Базилевич [12], М.А. Гритчук [13], О.А. Наумовой [14], А.А. Елистратовой [15], В.В. Ивашевой [16] О.Р. Демидовой [17], Н.П. Михальской [18], М.П. Тугушевой [19], Е.Ю. Гениевой [20], Е.А. Соколовой [21] и др. Но, несмотря на обилие исследований о сестрах Бронте, до сих пор нет специальных работ, посвященных проблематике организации и функционирования повествования, специфике повествовательных стратегий как в оригинальном тексте романа Ш. Бронте «Джейн Эйр», так и в его русскоязычных переводах, в том числе в переводах XX в.

Поэтому **целью** настоящего исследования является специальное изучение адекватности воспроизведения и специфики функционирования нарративных особенностей оригинального текста романа «Джейн Эйр» Ш. Бронте в текстах русскоязычных переводов романа XX в.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые предпринимается попытка выявить оригинальные повествовательные стратегии, примененные Ш. Бронте в романе «Джейн Эйр», а также впервые произведен сравнительно-сопоставительный анализ повествовательных особенностей оригинального текста романа и его русскоязычных переводов XX в.

В настоящем анализе использованы три русскоязычных перевода XX в. романа Ш. Бронте «Джейн Эйр», исключен комбинированный вариант перевода, так как, с нашей точки зрения, его характер не позволяет выделить существенные моменты сходства или различия с оригиналом. Также в процессе анализа оригинального текста и его трех русскоязычных переводов стало очевидно, что в случае с переводом 1901 г. не представляется возможным использовать в

качестве примеров идентичные с двумя другими переводами фрагменты текста силу его специфики.

Перевод 1901 г. опубликован в иллюстрированном научно-популярном журнале для семьи и школы «Юный читатель» и был существенно сокращен переводчиком. Переводной текст приближен к русской культуре и адаптирован для русского читателя. Представляется, что общая стратегия перевода 1901 г. была обусловлена в первую очередь ориентацией на детскую и юношескую аудиторию – основных читателей журнала «Юный читатель».

Поэтому для репрезентативности некоторых аспектов анализа в работе использованы отличные от двух других переводов примеры.

Для характеристики повествовательной стратегии Ш. Бронте в романе «Джейн Эйр» мы выделяем три аспекта: структуру повествования, автобиографические элементы, роль описания природы и погодных явлений в романе. Пользуясь терминологией В. Шмида, обозначим тип повествования в романе «Джейн Эйр» как «эксплицитный». Такое повествование основано на самопрезентации нарратора. Он может «описывать себя как повествующее “я”, рассказывать историю своей жизни, излагать образ своего мышления...» [8. С. 70]. В романе героиня ведет рассказ от первого лица, но прямого указания на этот тип наррации в тексте произведения не дается, однако для определения повествования как эксплицитного не обязательно наличие подобного прямого указания и самопрезентацию нарратора. В. Шмид в данном контексте допускает, что иногда одно только употребление формы глагола для первого лица, личных местоимений и т.д. свидетельствует о том, что перед читателем эксплицитный нарратор. На протяжении всего произведения повествование ведется от лица главной героини, соответственно, в прямой речи Джейн присутствуют формы первого лица:

«I jumped up, took my muff and umbrella...» [22. С. 84] (подстрочный перевод (здесь и далее мой. – Ю.Д.): я подскочила, взяла мою муфту и зонт);

«After supper he began to ask me many questions...» [22. С. 340]: (после ужина он начал задавать мне много вопросов) и др.

Перевод В. Станевич: «Я вскочила, взяла свою муфту, зонтик...» [2. С. 111],

«После ужина он без конца расспрашивал меня...» [Там же. С. 491].

Перевод И. Гуровой: «Я вскочила, схватила со столика муфточку с зонтиком...» [4. С. 109],

«После ужина он засыпал меня вопросами...» [Там же. С. 467].

В переводе 1901 г. также сохранена форма повествования от первого лица: «Я надеюсь» [1. С. 232], «...я вышла за него...» [Там же. С. 232] и др.

Во всех трех вариантах перевода авторский стиль повествования от первого лица сохранен, в речи героини употребляется форма глагола и личные местоимения первого лица, единственного числа: «я», «меня», «мне», «встала» и т.д. Так в переводах сохраняется образ эксплицитного нарратора.

Наряду с эксплицитным в романе выражен и имплицитный нарратор. По нашему мнению, имплицит-

ный нарратор проявляется в многочисленных обращениях героини к читателю, так в произведении возникает образ самой Ш. Бронте. Подобное обращение предполагает установку на диалог автора и читателя: создается впечатление, что все сказанное героиней оформлено в художественное произведение, здесь мы встречаем реального автора – писателя (Ш. Бронте), но содержательно произведение подчинено идее личного рассказа главной героини (Джейн Эйр) о своей жизни, и в данном моменте два эти образа расходятся.

В переводе 1901 г. способ взаимодействия автора с читателем в виде диалога не отражен в полной мере. На протяжении всего текста большинство прямых обращений к читателю опускаются переводчиком, все обращения сохранены только в заключительной части романа:

«Я надеюсь, ты помнишь, читатель, маленькую Адель?» [1. С. 232],

«Дорогой читатель, я вышла за него замуж» [Там же] и др.

Многочисленные пропуски обращения к читателю значительно изменяют повествовательную структуру оригинального произведения, так, в переводе не передается в полной мере ощущение доверительного диалога с читателем, который ведет главная героиня.

Предполагаем, что причины подобных трансформаций связаны со спецификой перевода. В оригинальном тексте автор ведет диалог с читателем – взрослым человеком, возможно поэтому переводчик, адаптируя текст для читателя – ребенка, не сохраняет данного прямого обращения.

Таким образом, в переводе 1901 г. утрачивается целостность повествовательного единства романа и индивидуального стиля авторского текста.

Относительно переводов В. Станевич и И. Гуровой отметим, что, сохраняя форму диалога с читателем, стиль самих обращений различается в двух переводах, что несколько трансформирует оригинальный замысел повествования. С нашей точки зрения, обращение к читателю в оригинальном тексте предполагает дружеское расположение: Джейн не просто пересказывает череду событий своей жизни, но доверяет читателю свои самые сокровенные мысли и чувства, однако подобная установка не всегда передана переводчиками:

«...and when I draw up the curtain this time, reader, you must fancy...» [22. С. 83] (и когда я подниму занавеску / штору / занавес в этот раз, читатель, ты должен вообразить).

Перевод В. Станевич: «И когда я на этот раз отдерну перед тобой занавес, читатель, вообрази...» [2. С. 110].

Перевод И. Гуровой: «И когда, читатель, я подниму занавес на этот раз, вы должны вообразить...» [4. С. 108].

Из примера видно, что в переводе В. Станевич героиня обращается к читателю в более неформальном стиле «читатель, вообрази», такой стиль общения создает доверительный тон, создается впечатление дружеского диалога. В тексте И. Гуровой, наоборот, обращение более официальное: «читатель, вы должны

вообразить», тем самым переводчик создает определенную дистанцию между героиней и читателем, так, утрачивается доверительный тон, нивелируется интимность общения. Однако в других эпизодах романа, особенно в заключительных главах, позиции переводчиков кардинально меняются, и уже перевод В. Станевич приобретает более формальный стиль диалога с читателем:

«I have told you, reader, that...» [22. С. 151] (я говорила тебе, читатель, что).

Перевод В. Станевич: «Я уже говорила вам, читатель, что...» [2. С. 211].

Перевод И. Гуровой: «Я уже призналась тебе, читатель, что...» [4. С. 205].

Для перевода И. Гуровой в данном эпизоде характерен дружеский, доверительный тон беседы с читателем, тем более что здесь Джейн делится своими чувствами к мистеру Рочестеру. Так, собеседник главной героини в лице читателя первым узнает о ее чувствах, подобным образом люди признаются своим самым близким людям. В переводе В. Станевич атмосфера интимности утрачена. Отметим, что до конца произведения данная стратегия передачи стиля обращений сохраняется в обоих переводах – формальный стиль у В. Станевич и неформальный у И. Гуровой. Возможно, в своем переводе И. Гурова, переходя от официального стиля обращений к читателю на «вы» к непринужденному диалогу с читателем на «ты», демонстрирует динамику отношения главной героини к читателю. Чем больше Джейн рассказывает, тем больше она начинает доверять «собеседнику», возможно, поэтому в переводе все последующие обращения сделаны в более дружеском и непринужденном стиле.

В случае с переводом В. Станевич трудно предположить причины, по которым переводчик в различных эпизодах изменяет стиль обращений, возможно, В.О. Станевич не занималась специально проработкой данного аспекта повествования. Несмотря на подобные неточности, оба перевода в полной мере передают авторский замысел присутствия эксплицитного и имплицитного нарраторов.

При наличии некоторых индивидуальных особенностей отметим, что во всех текстах русскоязычных версий романа сохраняется форма диалога с читателем.

Другим важным, на наш взгляд, аспектом для анализа русскоязычных переводов романа в контексте повествовательной структуры является сам формат, в который Ш. Бронте оформляет свое произведение, – имеется в виду жанровая природа произведения. В романе Ш. Бронте не дает прямого указания на тип изложения материала, в тексте присутствуют лишь некоторые намеки на его возможную принадлежность к письменному тексту, а именно к романному творчеству.

Предположение о том, что это письменный текст, а именно роман, возникает не случайно. Многочисленные обращения к читателю в тексте произведения совпадают с обращениями к читателю самой Ш. Бронте в предисловии ко второму изданию романа: «I have alluded to him, Reader, because I think I see in him an intellect profounder...» [22. С. 18] (я упоминаю о нем, Читатель, потому, что, я думаю, я вижу в

нем глубокомыслящего интеллектуала). Так, на наш взгляд, становится очевидным, что в обращении «читатель» полностью совпадают герой (рассказчица Джейн Эйр) и реальный автор романа (Ш. Бронте).

Подтверждения, что перед нами письменный текст (возможно, роман), находим во многих эпизодах. Так, например, в главе 10 Джейн говорит: «Hitherto I have recorded in detail the events of my insignificant existence: to the first ten years of my life I have given almost as many chapters. But this is not be a regular autobiography: I am only bound to invoke Memory where I know her responses will possess some degree of interest; therefore I now pass a space of eight years almost in silence: a few lines only are necessary to keep up the links of connection» [22. С. 75–76] (до этого времени я записала в деталях события моего малозначительного существования: первым десяти годам своей жизни я отдала почти столько же глав. Но это не регулярная / стандартная / обычная биография: я только ограничиваюсь просить мою память тогда, когда я знаю, что ее отклик будет обладать какой-либо степенью интереса; по этой причине сейчас я пропущу промежуток восьми лет моей жизни почти в полном молчании: необходимо только несколько строчек чтобы сохранить связь.)

Во-первых, необходимо отметить, что в этом абзаце автор опровергает возможное предположение, что это простая автобиография: «this is not be a regular autobiography», также уточняет, что рассказ будет состоять только из фактов, которые могут быть интересны: «will possess some degree of interest», так, можно предполагать, что перед нами автобиографический роман, сюжет которого так или иначе продуман автором, т.е. Джейн Эйр.

Во-вторых, подтверждением того, что перед нами может оказаться роман, является присутствие в тексте таких существительных, как «chapter» (глава), «line» (строка) и глагола «to record» (записывать). Однако не все переводчики сохраняют подобные указания на жанровую принадлежность текста. Например, в своем переводе В. Станевич заменяет глагол «to record» (записывать / фиксировать какие-либо факты в письменной форме) глаголом «описывать»:

«До сих пор я описывала события...» [2. С. 98]. Глагол «описывать» в русском языке больше ассоциируется с устным рассказом, чем с письменной речью. Таким образом, в переводе не отражен смысл того, что главная героиня не просто описывает события своей жизни, но именно записывает их.

Перевод в исполнении И. Гуровой еще больше искажает смысл высказывания:

«До сих пор я <...> рассказывала о событиях...» [4. С. 98], переводчик заменяет глагол «to record» (записывать) глаголом «рассказывать». В данном варианте перевода авторский замысел письменного фиксирования героиней событий своей жизни полностью нивелируется, так, переводчик создает иллюзию устного рассказа героини.

Несмотря на это, существительные «chapter» (глава) и «line» (строка) сохраняются в обоих переводах:

В. Станевич: «...почти столько же глав...<...> достаточно будет нескольких строк» [Там же. С. 98–99].

И. Гурова: «...почти такое же количество глав... <...> несколько строчек будут достаточным связующим звеном» [4. С. 98].

В приведенном фрагменте перевод В. Станевич наиболее полно отражает смысловую коннотацию глагола «записывать», сохраняя авторский замысел.

В главе 11 также присутствует указание на жанровую принадлежность произведения: «A new chapter in a novel is something like a new scene in a play...» [22. С. 83] (новая глава в романе это что-то похожее на новую сцену в пьесе). В данном фрагменте оба перевода точно передают оригинальное содержание:

– перевод В. Станевич: «Новая глава романа похожа на новое действие в пьесе» [2. С. 110];

– перевод Гуровой: «Новая глава в романе похожа на новую сцену в пьесе» [4. С. 108].

В последней главе романа также находим прямое указание на то, что весь рассказ Джейн – некий оформленный текст: «My tale draws to its close: one word respecting my experience of married life, and one brief glance at the fortunes of those whose names have most frequently recurred in this narrative, and I have done» [22. С. 350] (мой рассказ / история / повесть подошла к завершению: одно слово, касающееся моего опыта семейной жизни и один короткий взгляд на судьбы тех, чьи имена чаще всего повторялись в этом рассказе / повести / изложении событий / повествовании, и я закончила). Существительные: «tale» (рассказ / история / повесть), «narrative» (рассказ / повесть / изложение), и фразы: «my tale draws to its close» (мой рассказ заканчивается), «I have done» (я закончила) отсылают к образу писателя, заканчивающего свое произведение. В обоих переводах сохраняется данный подтекст:

Перевод В. Станевич: «Моя повесть подходит к концу» [2. С. 506].

Перевод И. Гуровой: «Моя повесть приближается к концу» [4. С. 481].

Подтверждение того, что это автобиографический роман, мы усматриваем в частом обращении героини к датам, уточнениям времени.

В оригинальном тексте произведения присутствует большое количество пояснений в виде точных дат или простых обозначений времени суток или времени года.

Роман начинается следующими словами: «There was no possibility of taking a walk that day» [22. С. 19]. (не было возможности предпринять прогулку в тот день). Уточнением в приведенном примере является фраза «that day» (тот день). Далее героиня приводит месяцы: «November, December, and half of January passed away» [22. С. 34] и пр. (ноябрь, декабрь и половина января прошли). Отметим, что все подобные пояснения и уточнения переданы в обоих переводах в полной мере. В разной степени перевод 1901 г. также сохраняет данную особенность повествования.

Можно заключить, что все повествование в романе может являться письменным текстом, а именно автобиографическим романом. Все три перевода, несмотря на некоторые отступления, передают данную повествовательную особенность текста оригинала.

Следующим аспектом, важным, на наш взгляд, для структуры повествования романа, является элемент

автобиографичности. Несмотря на то что традиционно автобиографический аспект больше относится к содержательной стороне текста, в случае с творчеством Ш. Бронте мы относим его к повествовательному аспекту.

Обладая талантом к рисованию, Ш. Бронте наделяет этим талантом и главную героиню – это, на наш взгляд, проявление автобиографичности в романе. На этой основе в текст романа вошли детальные описания картин, выполненные с профессионализмом художника, что уже самым непосредственным образом относится к особенностям повествовательной структуры романа.

В главе 13 Джейн описывает свои картины, не просто передавая красоту пейзажей, но уделяя внимание профессиональным художественным приемам. Приведем несколько примеров подобных описаний: «These pictures were in water-colours. <...> all the distance was in eclipse; so, too, was the foreground...» [22. С. 107] (эти картины были в акварели. Все пространство было в затмении/мраке так же, как и передний план).

«...A gold bracelet set with gems, that I had touched with as brilliant tints as my palette could yield, and as glittering distinctness as my pencil could impart» [Там же] (золотой браслет, украшенный драгоценными камнями, который я тронула блестящими красками, насколько мне позволила моя палитра и придала блистающую четкость, насколько мог позволить мой карандаш).

Ключевыми словами в приведенных примерах для понимания смысла высказывания являются: pictures, water-colours, foreground, tints, palette, pencil, portrayed, combine (tints).

В переводе 1901 г. данный фрагмент описания картин полностью удален переводчиком, таким образом нарушена оригинальная организация повествования. В двух других русскоязычных переводах данная особенность повествования передана, оба перевода воспроизводят художественную тематику высказываний:

Перевод В. Станевич: «Рисунки были сделаны акварелью <...> проступал передний план <...> браслет с драгоценными камнями, которым я придала всю ту яркость, какую могла извлечь из своей палитры, и всю ту выпуклость и четкость, на которую был способен мой карандаш» [2. С. 146].

Перевод И. Гуровой: «Это были акварели <...> даль тонула в сумраке, впрочем как и передний план <...> золотой браслет, усаженный драгоценными камнями, которым я придала всю ту яркость, какую сумела извлечь из своих красок, и всю ту выпуклую четкость, на какую была способна моя кисть» [4. С. 143].

Следующим важным аспектом для повествовательной структуры романа, по нашему мнению, является описание природы и погоды. Часто это не просто лирические отступления, но важный элемент для понимания настроения, эмоционального состояния, чувств героев и т.д. Описание своего несчастливого детства в начале романа Джейн Эйр начинает с соответствующего описания погоды: «...the cold winter wind had brought with it clouds so somber, and a rain so penetrating, that further outdoor exercise was now out of the question» [22. С. 19] (холодный зимний ветер при-

нес с собой такие хмурые тучи и такой пронизывающий дождь, что о дальнейших занятиях на воздухе не могло быть и речи). Радостному настроению Джейн Эйр в одном из эпизодов романа соответствует и пейзаж. «...Lovely spring morning <...> the sun was just entering the dappled east, and his light illumined the wreathed and dewy orchard trees and shone down the quite walks under them» [Там же. С. 174–175] (прекрасное весеннее утро... солнце только всходило на пестром востоке, и его свет озарил обвитые и покрытые росой деревья яблоневого сада и осветило тихие дорожки под ними).

В переводе 1901 г. подобные описания часто пропускаются, а в случае их воспроизведения переводчик использует прием описательного перевода, значительно сокращая такие фрагменты текста. Так, детальный сопоставительный анализ перевода и оригинала в данном контексте становится невозможен. Полагаем, что такой подход переводчика обусловлен читательской аудиторией – как упоминалось выше, перевод выходит в журнале «Юный читатель». В переводах В. Станевич и И. Гуровой подобная особенность повествования сохранена. Например, описывая наступление вечера в день своего наказания в красной комнате, Джейн говорит: «Daylight began to forsake the red-room; it was past four o'clock, and the beclouded afternoon was tending to drear twilight» [Там же. С. 25]. (дневной свет начал покидать красную комнату, был пятый час, и облачный вечер клонился к печальным / унылым сумеркам).

Перевод В. Станевич: «В красной комнате начинало темнеть; был пятый час, и свет тусклого облачного дня переходил в печальные сумерки» [2. С. 25].

Перевод Гуровой: «Дневной свет мало-помалу прощался с Красной комнатой; время шло к половине пятого, и пасмурный день переходил в гнетущие сумерки» [4. С. 29].

В приведенном фрагменте Ш. Бронте, описывая наступление вечера, передает настроение главной героини. Фраза «daylight began to forsake the red-room» (дневной свет начал покидать красную комнату) может символизировать уходящую надежду Джейн на справедливое отношение, оба перевода полностью передают это настроение. Коннотацию безысходности и грусти передают также фразы: «beclouded afternoon», «drear twilight», что отражено в обоих переводах.

Следующий пример демонстрирует связь описания пейзажа и эмоционального состояния главной героини, когда она решает найти работу и уехать из приюта: «I went to my window, opened it and looked out. There were the two wings of the building; there was the garden; there were the skirts of Lowood; there was the

hilly horizon. My eye passed all other objects to rest on those most remote, the blue peaks; it was those I longed to surmount; all within their boundary of rock and heath seemed prison-ground, exile limits...» [22. С. 77] (я подошла к моему окну, открыла его и посмотрела из него. Там были два крыла здания, сад, границы Ловуда, холмистый горизонт. Мои глаза пропустили все другие предметы, чтобы остановиться на тех, которые больше всех удалены; синие вершины, это были те, которые мне страстно хотелось преодолеть, все в пределах их скалистых границ казалось тюремным участком, границами ссылки).

Горизонт, описанный автором, синие вершины – все это олицетворяет свободу и новые жизненные перспективы для главной героини. Оба переводчика сохраняют это настроение героини.

Перевод В. Станевич: «Я подошла к окну и открыла его. Вот они, оба крыла столь знакомого мне дома; вот и сад; вон границы Ловуда, а дальше – гористый горизонт... Мои глаза миновали все остальное и остановились на самом дальнем – на голубых вершинах: через них хотелось мне перебраться. Все заключенное в пределах этих скал и пустынных лесов показалось мне тюрьмой» [2. С. 101].

Перевод И. Гуровой: «Я подошла к окну, открыла его и выглянула наружу. Вот два крыла здания, вот сад, вот ограда Ловуда, вот холмистый горизонт. Мой взгляд скользнул мимо всего и остановился на самых дальних голубых вершинах: меня снедало желание преодолеть их. Все в пределах их валунов и вереска казалось тюремным двором и местом ссылки» [4. С. 100].

Оба текста перевода сохраняют тонкости описания пейзажей и погоды, в обеих русскоязычных версиях романа переданы настроение, эмоции и чувства героини, фоном для которых Ш. Бронте выбирает подобные описания.

На основании результатов сравнительно-сопоставительного анализа оригинального текста романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» и его трех русскоязычных переводов XX в. можно сделать вывод о том, что в переводе В.О. Станевич 1950 г. и в переводе И.Г. Гуровой 1990 г. повествовательные стратегии оригинального текста сохранены в полной мере. Исключением являются некоторые неточности в аспекте организации предложений и выбранной лексики, что, тем не менее, не подвергает оригинальную повествовательную структуру принципиальным изменениям. Что касается перевода 1901 г., следует отметить, что переводчик, сохраняя общий смысл повествования – диалога с читателем, производит в тексте перевода значительные сокращения, которые существенно трансформируют авторскую конструкцию нарратива.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джэни Эйр*, история моей жизни, Шарлоты Бронте. Сокращенный перевод с английского // Юный читатель: журнал для детей старшего возраста. СПб., 1901. № 3, 5.
2. *Бронте Шарлотта*. Джейн Эйр. М., 2008.
3. *Бронте Шарлотта*. Джейн Эйр. Роман / перевод В. Станевич (пропуски в тексте восстановлены И. Гуровой). М.: Худ. лит., 1990. С. 449.
4. *Шарлотта Бронте*. Джейн Эйр. М.: НФ «Пушкинская библиотека», 2003.
5. *Новикова Е.Г.* Садовая беседа Ф.М. Достоевского и Н.Н. Набокова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 82–88.

6. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М. : Высш. шк., 1982. С. 528.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худ. лит., 1972. С. 464.
8. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 312.
9. Хардак Д.Б. Творчество Эмили Бронте (из истории английского реализма XIX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 26 с.
10. Михайлова М.С. Демократическая направленность и реализм романов Ш. Бронте : дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 307 с.
11. Будагян А.А. Творческий путь Ш. Бронте : дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1950. 183 с.
12. Базилевич В.М. Обличительный характер произведений Ш. Бронте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1954. 15 с.
13. Гритчук М.А. Реализм Ш. Бронте («Джейн Эйр» и «Шерли») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1957. 15 с.
14. Наумова О.А. Автобиографический роман воспитания в творчестве Ч. Диккенса и Ш. Бронте : дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 204 с.
15. Елистратова А.А. Наследие английского романтизма и современность. М., 1960. 432 с.
16. Ивашиева В.В. Век нынешний и век минувший. Английский роман XIX века в его современном звучании. М., 1974. 464 с.
17. Демидова О.Р. Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850-е – 1870-е гг.) : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 242 с.
18. История английской литературы. Г.В. Аникин и Н.П. Михальская. М., 1985. 431 с.
19. Тугушева М.П. Шарлотта Бронте, очерк жизни и творчества. М., 1982. 191 с.
20. Гениева Е.Ю. (сост.) Эти загадочные англичанки. М., 1992. 505 с.
21. Соколова Е.А. Традиции романтизма в творчестве Шарлотты Бронте : дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 185 с.
22. *Selected works of the Brontë sisters*. London, 2005. С. 84.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 февраля 2015 г.

RUSSIAN 20TH-CENTURY VERSIONS OF CHARLOTTE BRONTE'S NOVEL *JANE EYRE*: FUNCTIONS OF NARRATIVE STRATEGIES

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 14–20. DOI 10.17223/15617793/393/2

Dyachenko Yulia V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: julia2212@yandex.ru

Keywords: narrative; Charlotte Bronte's *Jane Eyre*; translation, 20th-century Russian translation.

There are four versions of Ch. Bronte's novel *Jane Eyre* in Russia in the 20th century: in 1901 by an unknown author, in 1950 by V.O. Stanevich, in 1990 a republication of V.O. Stanevich's version with omissions restored by I.G. Gurova, and in 1990 a complete version by I.G. Gurova. We suppose that the novel is so popular in the 20th century not only because of its special content but also because of its narrative structure worked out in detail. The whole narrative organization in the novel is one confessional story of the central character of the novel about herself. There are innovative author's narrative strategies in the novel, which give this narrative special meanings. A special narrative organization was a topical problem in the culture and literature of the 20th century. Narrative problem is one of the most topical problems in the Russian studies of literature in the 20th century. There exist first research in narrative problems by V.V. Vinogradov, M.M. Bakhtin in Russia in the first half of the 20th century, *Narrative Study* by V. Shmid was published in Russia in the 21st century. There is a lot of research of the Bronte sisters' creative activities in the 20th century; these are works by D.B. Hardak, M.S. Mihaylova, A.A. Budagyan, M.P. Tugusheva, E.Yu. Genieva, E.A. Sokolova, and others. Yet, there is no special research devoted to the subject of narrative organization, narrative functioning and specific character of narrative strategies in the original text of the novel *Jane Eyre* by Ch. Bronte and its Russian versions, including those of the 20th century. So, the aim of this research is a special study of an appropriate translation and special functioning of narrative features in the original text of *Jane Eyre* and its 20th-century Russian versions. The novelty of this research is that an attempt is first made to determine the original Ch. Bronte's narrative strategies in the novel *Jane Eyre*, and a comparative analysis is first made of the original narrative features and their 20th-century Russian translations. For describing Ch. Bronte's narrative strategies in the novel three aspects are distinguished: narrative structure, autobiographical elements, the role of nature and weather description. The comparative analysis shows that all original narrative strategies are reproduced in V.O. Stanevich's and I.G. Gurova's versions of *Jane Eyre*. Exceptions are some features of sentence constructing and word choice, but this does not transform the original narrative structure. In the 1901 version, it should be noted that the translator reproduces the main idea of the narrative, namely, the dialogue between the author and the reader, but he abbreviates the original text, and this substantially transforms the author's narrative construction.

REFERENCES

1. Dzhenni Eyr, istoriya moey zhizni, Sharloty Bronte. Sokrashchennyy perevod s angliyskogo [Jane Eyre, the story of my life, Charlotte Bronte. Abridged translation from English]. *Yunny chitatel'*, 1901, no. 3, 5.
2. Bronte Ch. *Dzheyn Eyr* [Jane Eyre]. Moscow: Azbuka-klassika Publ., 2008.
3. Bronte Ch. *Dzheyn Eyr: Roman* [Jane Eyre. A novel]. Translated from English by V. Stanevich. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 253 p.
4. Bronte Ch. *Dzheyn Eyr* [Jane Eyre]. Moscow: NF "Pushkinskaya biblioteka" Publ., 2003. 815 p.
5. Novikova E.G. F.M. Dostoyevsky's and V.V. Nabokov's garden pergola. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2008, no. 3 (4), pp. 82–88. (In Russian).
6. Vinogradov V.V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the History of Russian literary language of the 17th – 19th centuries]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1982. 528 p.
7. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 470 p.
8. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. 312 p.
9. Khardak D.B. *Tvorchestvo Emili Bronte (iz istorii angliyskogo realizma XIX veka)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Emily Bronte's works (from the history of English realism of the 19th century). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1972. 26 p.
10. Mikhaylova M.S. *Demokraticheskaya napravlennost' i realizm romanov Sh. Bronte*: dis. kand. filol. nauk [Democratic orientation and realism of Charlotte Bronte's novels. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1954. 307 p.
11. Budagyan A.A. *Tvorcheskiy put' Sh. Bronte*: dis. kand. filol. nauk [Creative way of Charlotte Bronte. Philology Cand. Diss.]. Erevan, 1950. 183 p.

12. Bazilevich V.M. *Oblichitel'nyy kharakter proizvedeniy Sh. Bronte*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Revealing nature of the works of Charlotte Bronte. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Lvov, 1954. 15 p.
13. Gritchuk M.A. *Realizm Sh. Bronte ("Dzheyn Eyr" i "Sherli")*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Realism of Charlotte Bronte (Jane Eyre and Shirley). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1957. 15 p.
14. Naumova O.A. *Avtobiograficheskiy roman vospitaniya v tvorchestve Ch. Dikkensa i Sh. Bronte*: dis. kand. filol. nauk [Autobiographical novel of education in the works of Charles Dickens and Charlotte Bronte. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1990. 204 p.
15. Elistratova A.A. *Nasledie angliyskogo romantizma i sovremennost'* [Legacy of English romanticism and modernity]. Moscow: USSR AS Publ., 1960. 432 p.
16. Ivasheva V.V. *Vek nyneshniy i vek minuvshiy. Angliyskiy roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii* [The present and the past century. English novel of the 19th century in its modern sound]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974. 464 p.
17. Demidova O.R. *Sharlotta Bronte, Elizabet Gaskell, Dzhordzh Eliot v Rossii (1850-e – 1870-e gg.)*: dis. kand. filol. nauk [Charlotte Bronte, Elizabeth Gaskell, George Eliot in Russia (1850s – 1870s.). Philology Cand. Diss.]. Leningrad, 1990. 242 p.
18. Anikin G.V., Mikhail'skaya N.P. *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English Literature]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1985. 431 p.
19. Tugusheva M.P. *Sharlotta Bronte, ocherk zhizni i tvorchestva* [Charlotte Bronte, a sketch of life and creativity]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. 191 p.
20. Genieva E.Yu. *Eti zagadochnye anglichanki* [These mysterious Englishwomen]. Moscow: Progress Publ., 1992. 505 p.
21. Sokolova E.A. *Traditsii romantizma v tvorchestve Sharlotty Bronte*: dis. kand. filol. nauk [Romanticist tradition in the works of Charlotte Bronte. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1995. 185 p.
22. *Selected works of the Bronte sisters*. London, 2005.
23. Bronte Ch. *Dzheyn Eyr* [Jane Eyre]. Moscow: Azbuka-klassika Publ., 2008.
24. Bronte Ch. *Dzheyn Eyr* [Jane Eyre]. Moscow: NF "Pushkinskaya biblioteka" Publ., 2003. 815 p.
25. Dzheni Eyr, istoriya moey zhizni, Sharloty Bronte. Sokrashchennyy perevod s angliyskogo [Jane Eyre, the story of my life, Charlotte Bronte. Abridged translation from English]. *Yunyy chital'el'*, 1901, no. 5 – 1 March.

Received: 20 February 2015